

МОСКОВСКАЯ МОСКВА

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ

Владимир КАЗАКОВ

Казakov Владимир Игоревич проживает в Москве. Писатель, журналист, драматург. Президент межрегионального общественного движения по защите, сохранению и развитию русского языка, отечественной культуры и традиционных духовно-нравственных ценностей «Русская речь». Автор нескольких книг художественной прозы, в том числе «Роман Флобера» (2013, Центрполиграф), «Воскрешение на Патриарших» (2019, Гордец). Автор бестселлера «Московская Москва» (2025, Зебра Е).

Предисловие

В книге «Московская Москва» я безапелляционно заявил, что центром Москвы да и, что там мелочиться, всего мира является Пушкинская площадь. Красная площадь слишком торжественна, официальна. Ну и вообще, до неё надо ещё идти. А Пушкинская — вот она. Именно так я рассуждал в детстве.

Прошли десятки лет, мир изменился, мы изменились, а о Пушкинской площади я по-прежнему думаю точно так же, как и в те далёкие годы. Именно здесь находится и движет и нашей планетой, и всей Вселенной мировая ось.

Вершина оси Мироздания — памятник Пушкину.

Именно здесь, у оси, при открытии памятника другой великий русский человек, Фёдор Михайлович Достоевский — они оба москвичи, кстати, что нередко забываем, — произнёс знаменитую речь, в которой обрисовал грядущие судьбы человечества.

Советские учёные перевели метафизику в физику, посчитали на надёжной логарифмической линейке и скорректировали местоположение оси Мироздания. На 104,4 метра.

Именно на такое расстояние перенесли памятник А. С. Пушкину с Тверского бульвара на место колокольни Страстного монастыря, уничтоженного в тридцатых.

Кстати, на втором этаже колокольни находился храм Алексея Божьего человека, который освятил сам святой Филарет, Митрополит Московский. Который, в свою очередь, состоял в поэтической переписке с Александром Сергеевичем. И духовно окормлял его. И всё это, по моему твёрдому убеждению, подтверждает пушкиноцентричность Вселенной.

Да и, кстати, сам я всю жизнь — раньше чаще, сейчас реже — встречался с друзьями, любимыми девушками, просто знакомыми у правой ноги поэта. У левой — редко. Короче, воплотил тезис Хлестакова, а значит, и Гоголя: я «с Пушкиным на дружеской ноге...». Точнее, у дружеской ноги.

Вы уже спросили себя: зачем Казаков пишет всю эту ересь?! Во-первых, ну не совсем же это ересь, так, чуть-чуть. А ведь кто его знает, может, и чистая правда.

А во-вторых, я начал новую книгу. «Московская Москва — 2, или Московские хроники». Продолжение предыдущей? И да, и нет. Понимаете, «Московская Москва» написана так, что её можно читать с абсолютно любой страницы. Стало быть, какое может быть у неё продолжение?! Просто я продолжаю рассказ о моей Москве.

И опять пойду шляться по городу от Пушкинской площади. От центра Мироздания. Потопаю по улице Горького, ныне Тверской, в сторону Кремля, потом — назад до Пушки. И потом до Белорусского вокзала. А дальше посмотрим. У нас ещё есть Садовое кольцо.

Прокачусь по нему на «Б» потом. Ведь прежний троллейбус, а ныне московский электробус — это прямой потомок извозчика.

Не такси, а именно троллейбус/автобус. У такси совсем другая скорость, невиданная в прошлые века. А вот троллейбус движется, по сути, примерно так же, как и старинный городской извозчик.

Можно меланхолично глазеть по сторонам, иногда задерживаясь на перекрёстках, и лететь потом вперёд на коротких пространствах свободных улиц.

Но это так, к слову. Теперь вперёд. Ну или назад. По времени. Хотя, прожив практически всю жизнь в Москве, я твёрдо знаю, что в Москве ничего не исчезает. Всё продолжает жить на своих местах, не только на улицах, в переулках, проходных дворах и на крышах, но и в воздухе, в особом московском небе. Надо только присмотреться и увидеть.

В тексте книги у меня будут вставки. Вроде как впрямую не связанные с текстом, но вкривую — ещё как связаны. Это мои статьи, заметки, мемуары других людей по поводу места и времени, ну и всякая ассоциативная чепуха. Я это называл «Ни к селу ни к городу». Хотя чепухи здесь хватает и без

Можно меланхолично
глазеть по сторонам, ино-
гда задерживаясь на пе-
рекрёстках, и лететь по-
том вперёд на коротких
пространствах свободных
улиц.

вставок. Ну да ладно. Всё равно эти «отклонения от генеральной линии» — всегда о Москве, такие «Московские хроники».

А пока перед нами — улица Горького (Тверская).

Кстати, вспомнил из детства. Однажды в Столешниковом переулке, у нашей подворотни дома № 14, ко мне подошли двое. Взрослые. Мужчина и женщина. По виду явно приезжие. Тогда это сразу можно было определить. Сейчас — сложнее. Короче, они меня спрашивают:

— Как пройти на улицу Максима Горького?

И я завис. Начал думать, где же тут такая улица, Максима Горького...

Так и не вспомнил. Пожал плечами. Прохожие ушли. И только минут через десять меня осенило! Ведь улица Максима Горького — это родная улица Горького! Как же я не сообразил?! Но ведь по-московски нет никакой «улицы Максима Горького»! Я же прав. Был.

25.06.2024

Глава первая

УЛИЦА ГОРЬКОГО – ТВЕРСКАЯ. ОТ ПУШКИНА ДО ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО

Долго думал: а какая главная точка отсчёта на улице Горького — Тверской? Главное здание? Я неспроста ищу начало системы координат. Это касается и самой Москвы, и мира вообще, теперь и конкретной улицы. Если это место находишь, ну, точнее, обозначаешь...

Нет, всё-таки находишь. Причём внутри себя. Потому что это место было найдено, определено для себя давным-давно, в детстве. Когда я только начинал узнавать мир через Москву.

Через её улицы, дворы, переулки, мемориальные доски знаменитым людям, через пожилые, но молодящиеся кариатиды, поддерживающие обветшалые балкончики, через магазинчики и ателье, через бетонные нашлёпки Осоавиахима на фасадах стареньких домов, через древние столетники на широких подоконниках московских окон, через людей, через москвичей.

Я ребёнком интуитивно нащупывал те невидимые нити, которые стягивают в точку пространство города в этом месте. Собственно, и формируют суть улицы или переулка.

В родном Столешниковом переулке таким был дом № 9, напротив моего дома № 14. Там жил Владимир Алексеевич Гиляровский. На Петровке таковым является совсем не Большой театр, при всём своём беспорном величии, а Высоко-Петровский монастырь.

И на улице Горького (Тверской) — это не дом генерал-губернатора/Моссовета/мэрии (многовековой центр московской власти) и даже не величественный Московский телеграф, изумительное творение Рерберга с вращающимся земным шаром,

Я ребёнком интуитивно нащупывал те невидимые нити, которые стягивают в точку пространство города в этом месте. Собственно, и формируют суть улицы или переулка.

не книжный магазин «Москва», не великолепный памятник князю Юрию Долгорукому работы С. М. Орлова, а именно Гастроном № 1 — Елисеевский магазин.

Для меня в детстве Елисеевский — это живое воплощение сказки. Каждый раз, когда я входил в этот огромный зал с высоченными потолками, громадными бронзовыми люстрами, китайскими вазами там и сям, с окутывающим сразу и навсегда ароматом молотого кофе, сердце замирало от... Не знаю, как описать. От волшебства происходящего, что ли.

Тот список слайдов под названием Детство, которые видит человек уже в возрасте, у меня включает крутящийся голубой земной шар на Центральном телеграфе, иллюминация с салютом на Седьмое ноября, фильм «Сказка о царе Салтане» на огромном экране (31 на 11,5 метра) в кинотеатре «Мир», где тридцать три богатыря поднимаются из воды, и, конечно, Елисеевский.

Обычно в детстве я входил в Елисеевский со стороны Козицкого переулка. Там, где за тяжёлыми двойными дверями, сбоку от небольшой беломраморной лесенки, тебя встречали бронзовые негритята с факелами.

Историю, почему вход в шикарный магазин прорубили с переулка, описана Гиляровским в деталях. Но, короче говоря, речь шла о запрете продажи спиртного на определённом расстоянии от храма. А напротив, на другой стороне Тверской, именно и находилась церковь Св. Димитрия Солунского.

Казалось бы, далеко от Елисея. Но. Не забывайте, что Тверская тогда была много уже, чем сейчас. Примерно шириной с Большую Дмитровку / Пушкинскую улицу. Это только в конце тридцатых расширили улицу до сегодняшнего состояния. Так что храм Димитрия Солунского был от Елисеевского очень близко.

Судьба самого Григория Григорьевича Елисеева и его семьи — это трагедия шекспировского уровня. Он купил обветшавший дворец, построенный в конце восемнадцатого века, для Екатерины Козицкой, дочери уральского промышленника Ивана Мясникова и жены статс-секретаря императрицы Екатерины Второй Григория Козицкого. По Козицкой или, скорее, по её отцу Григорию и назван чудесный, один из любимых переулков в центре. Я чуть позже расскажу. Но известность этот дворец получил во время княгини Зинаиды Волконской. Он перешёл к ней через кучу родственников.

Я видел план этого дворца. По сути, он почти точно повторяет здание на Страстном бульваре. В котором раньше находился первый Английский клуб (позже его перенесли на Тверскую. Там, кстати, в 1812 году останавливался оккупант (да, да, мы забываем такие вещи!), французский офицер, писатель Стендаль). Позже там была Екатерининская больница, сейчас — Московская городская дума. Так вот, здание на месте Елисеевского было почти таким же. И архитектор один — Матвей Казаков.

Каждый раз, когда я входил в этот огромный зал с высоченными потолками, громадными бронзовыми люстрами, китайскими вазами там и сям, с окутывающим сразу и навсегда ароматом молотого кофе, сердце замирало от...

В этом доме, ныне Елисейском, а тогда дворце Зинаиды Волконской, был литературный кружок. Самый главный в Москве. А может, и в России. Все лучшие литераторы — там. Но знаем мы о нём только потому, что там бывал Пушкин.

Здесь царил культ хозяйки, княгини Зинаиды. Все были в неё влюблены. И поэт Евгений Баратынский (кстати, его усадьба, точнее, остатки, были в моём дворе в Столешниковом переулке, 14), и Иван Киреевский, и Пётр Вяземский — все писали ей стихи и признавались в любви. Поэт Дмитрий Веневитинов, четвероюродный брат А. С. Пушкина, посвятил Зинаиде множество стихотворений. Он был безумно влюблён. Однажды Волконская подарила юноше античный перстень, привезённый из Италии. Он с благоговением принял подарок и написал стихи:

К моему перстню

*Ты был открыт в могиле пыльной,
Любви глашатай вековой,
И снова пыли ты могильной
Завещан будешь, перстень мой,
Но не любовь теперь тобой
Благословила пламень вечной
И над тобой, в тоске сердечной,
Святой обет произнесла;
Нет! дружба в горький час прощанья
Любви рыдающей дала
Тебя залогом состраданья.
О, будь мой верный талисман!
Храни меня от тяжких ран
И света, и толпы ничтожной,
От едкой жажды славы ложной,
От обольстительной мечты
И от душевной пустоты.
В часы холодного сомненья
Надеждой сердце оживи,
И если в скорбях заточенья,
Вдали от ангела любви,
Оно замыслит преступленье, —
Ты дивной силой укроти
Порывы страсти безнадежной
И от груди моей мятежной
Свинец безумства отврати,
Когда же я в час смерти буду
Прощаться с тем, что здесь люблю,
Тогда я друга умолю,
Чтоб он с моей руки холодной
Тебя, мой перстень, не снимал,
Чтоб нас и гроб не разлучал.*

Здесь царил культ хозяйки, княгини Зинаиды. Все были в неё влюблены.

*И просьба будет не бесплодна:
Он подтвердит обет мне свой
Словами клятвы роковой.
Века промчатся, и быть может,
Что кто-нибудь мой прах встревожит
И в нём тебя отроет вновь;
И снова робкая любовь
Тебе прошепчет суеверно
Слова мучительных страстей,
И вновь ты другом будешь ей,
Как был и мне, мой перстень верной.*

1826 г.

Он прикрепил его к цепочке и поклялся, что наденет на палец только перед свадьбой или смертью. В двадцать один год он сильно простудился, впал в забытие. Его друг, поэт Алексей Хомяков, вспомнил просьбу Веневитинова и стал надевать умирающему кольцо на руку. Тот очнулся и спросил: «Разве меня венчают?» Так и умер с тем кольцом Волконской. Жил он, кстати, в Кривоколенном переулке, 4. Дом сохранился.

Бывал там и великий польский поэт Адам Мицкевич. Но о нём, о поразительном факте его биографии, которого не знает почти никто, — чуть позже. Тем более что в соседнем, Глинищевском переулке (улице Станиславского и Немировича-Данченко) есть мемориальная доска, посвящённая ему и Пушкину.

В юности я уже знал про салон Волконской на этом месте. Правда, мой мозг не мог вместить факт присутствия Александра Сергеевича в Елисеевском магазине. Как так?! Пушкин во фраке, Наталья Гончарова с голыми плечами, а тут магазин. Или Натальи Николаевны тогда ещё не было?! Но всё равно кто-то же там должен был быть с голыми плечами! Я тогда уже начал подозревать, что тут что-то не то. Потом допёр детскими цыплячьими извилинами.

Но тогда я входил в огромный зал шумящего магазина с бесконечными каменными гроздьями винограда, зеркалами, бронзовыми завитушками и огромными хрустальными люстрами и представлял здесь Пушкина.

Бальный зал прежнего дворца, скорее всего, был на втором этаже. И я представлял Поэта, идущего по воздуху на уровне примерно второго этажа, раскланивающегося с дамами, также воздушно порхающими над суетой нынешней (тогдашней) колбасы. Отдел колбас был как раз на огромном круглом прилавке посередине зала.

Кстати, Елисеевский — по сути же, дворец, причём неописуемой красоты. И я в него в детстве, юности и потом ходил регулярно. Позже, когда мне показывали реальные дворцы в разных точках страны и далее, я всегда невольно сравнивал их с Елисеевским. Скажу лишь, что в большинстве случаев — Елисеевский круче.

В юности я уже знал про салон Волконской на этом месте. Правда, мой мозг не мог вместить факт присутствия Александра Сергеевича в Елисеевском магазине.

Елисеевский для меня — кроме всего ещё и запах молотого кофе. Аромат. Огромный аппарат по помолке со здоровенной стеклянной ёмкостью стоял слева от входа в зал. Если заходить через Козицкий переулок.

Тяжёлые стеклянные, с дорогим деревом и бронзой двери, одни, вторые, лесенка вверх, несколько ступенек, негритята с факелами; перед тобой огромное, в несколько метров, зеркало, направо — кондитерский отдел и хлеб. Позже, при начале бардака и Смуты, в хлебный перенесли винный.

А налево — вход в центральный зал, где, вот именно слева, и стояла огромная машина для помола кофе. Которая и давала аромат на полмагазина. Сейчас кофе почему-то так не пахнет.

Хотя нет, не так давно я встречался по делу с театральным режиссёром Владиславом Быковым на другом конце Москвы. Приехал раньше, на углу Ленинского проспекта и, по-моему, улицы Кравченко зашёл в крошечную кофейню. Метров пять квадратных.

Но! Я вдруг именно там почувствовал тот самый, забытый аромат кофе! Тот, прямо из детства. Поговорил с хозяйкой, она же официантка. Рассказала, что сами жарят, сами мелют и т. д. Маленькое предприятие. Удивительно, но этот забытый уже аромат я не встречал ни в одном дорогом ресторане, где чашка кофе стоит порой до тысячи рублей, а здесь — сто. И пирожное «картошка», вкуснейшее, свежайшее, — по пятьдесят рублей. Для Москвы просто неслыханные цены.

Но вернёмся на улицу Горького (Тверскую). Судьба самого Григория Григорьевича Елисеева, хозяина всего этого великолепия и в Москве, и в Питере, трагична.

Обычно говорят, что можно снять мощный фильм. Но я этого не буду советовать и предлагать. При нынешнем этапе развития нашего кинематографа это будет пошлейшая чушь.

Упомяну лишь некоторые штрихи биографии Г. Г. Елисеева. Он не только создал процветающую империю магазинов, дворцов продуктов, но и распространил свою методику продаж в США. Открыл магазины в десятке штатов. Сейчас бы сказали «франшиза». Собственно, он и выдумал совместить магазины с кафе и развлечениями. Но дети не поддерживали отца. Они отошли от торговли. Один сын стал военным врачом, другой — инженером, третий — учёным-японистом. И купеческое «купи-продай» им было уже неинтересно.

Когда ему было уже за полтинник, он влюбился в Веру Фёдоровну Васильеву, жену купца второй гильдии. А у самого Григория Григорьевича имелись собственная жена и пятеро детей. Причём жена, Мария Андреевна, была дочерью главного пивного магната России Дурдина. Елисеев начал просить у жены развода, не знаю тогдашних правил.

Но она была женщиной непростой. Развода не дала. А стала самоубиваться. Бросилась в канал (дело было в Санкт-Петербурге) — выловили, откачали. Потом она вскрыла себе вены.

Но! Я вдруг именно там почувствовал тот самый, забытый аромат кофе! Тот, прямо из детства.

Вовремя заметили, откачали. А далее она забрала свою долю приданого из капитала мужа. И повесилась на полотенеце.

На похороны Григорий Григорьевич не пришёл. И через некоторое время обвенчался с любимой и уехал в Париж. После этого дела фирмы пошли под откос. Ещё много трагического в судьбе богатейшего человека России было потом.

Но всё же это больше питерская история, чем московская. Там, в Санкт-Петербурге, проходила жизнь Елисеева. Москва — лишь знаменитый магазин на Тверской. Умер он уже в сороковые годы. Одни пишут, что в 1942-м, другие — что в 1949-м.

Но этот питерский человек подарил нам сказочный дворец-магазин. Спасибо ему за это. А личные дела — это его и Господа Бога дела.

Да, чтобы не забыть, а то убежим вперёд. Слева от Елисея на углу был, конечно, Дом актёра, который после грандиозного пожара был перенесён на Арбат. Об этом я писал в предыдущей книге «Московская Москва». Меня угораздило быть в ресторане Дома актёра именно в тот ужасный день пожара, 14 февраля 1990 года. До него, конечно. Я об этом уже рассказал. Но ходил я не только в ресторан в молодости (редко), чаще там был на разных ёлках, детских праздниках. Они проходили в зале наверху, этаж не помню, конечно. Но в памяти ребёнка остался лифт. Лифт обычный.

Но! Он был очень узкий. И вход в него в стене напротив двери узкий, и сама кабина лифта — тоже. Плюс к нему надо было подняться на несколько ступенек. И было полное ощущение для ребёнка, что ты заходишь в космический корабль и взлетаешь в небо!

Могу путать, но, по-моему, я ещё тогда прочитал книжку про собаку, которая одевалась как человек, жила как человек и через лифт взлетала на небо. (Поискал в Интернете. Нашёл! Называлась книга «Фердинанд Великолепный». Автор — польский писатель Людвик Ежи Керн.) Короче, восторг и холодок внутри от лифта в Доме актёра помню до сих пор.

Как и о том, что рядом находился магазинчик театральный, где продавались всякие кремы, пудры и прочие штуковины для актёрского грима. И они были, конечно, натуральные и высокого качества. Почему знаю, потому что в начале восьмидесятых у меня была любовь с гэдээровской девушкой Ленкой Зибенвирт. И они с подругой Утой Домес ходили в этот магазин за всякими девичьими причиндалами. И очень нахваливали.

А ещё дальше был совершенно крошечный, зажатый между двух мощных стенок магазинчик «Цветы». Магазинчик был грустный, там цветов было мало. Особенно по сравнению с нынешними шикарными цветочными. Помню, в 1979 году, когда после школы работал лаборантом в Военно-политической академии им. Ленина, меня перед Восьмым марта отправили за цветами нашим барышням. Очередь в этот малюсенький магазинчик была невероятная, причём на улице, где был

Но этот питерский человек подарил нам сказочный дворец-магазин. Спасибо ему за это. А личные дела — это его и Господа Бога дела.

холод собачий. Но я мужественно отстоял и купил сколько-то там дохловатых гвоздик.

А последнее здание перед Елисеевским, точнее, часть его, образовавшаяся при переделке дворца Волконской в магазин, занимал и тогда, и сейчас музей-квартира писателя Николая Островского. Отец водил меня и туда. В конце шестидесятых, наверное. Он вообще показал мне всю Москву, все дворцы, усадьбы, монастыри, дальние и близкие, только благодаря ему я и принял внутрь себя наш город.

Так вот, помню, в холле этого музея меня поразили мыши. Точнее, мышата. Маленькие, сантиметра два, которые в изобилии сновали туда-сюда по подъезду у общей с Елисеевским стенки. Но это так, к слову. Хотя кому нужны мои мыши?! Да и не мои они... Ладно.

Дальше пошёл Елисей, ещё дальше, на углу Горького и Козицкого, стоит дом конструктивистского плана. Там, помимо всего, располагалось Центральное общество филателистов. Это была важная организация в советское время. Культ коллекционирования торжествовал и среди мальчишек моего поколения, и среди взрослых. Школьники вообще практически поголовно что-то собирали, составляли коллекции, менялись, собирались на свои коллекционные сборища.

Был даже такой детский роман «Марка страны Гонделупы». О чём он, конечно, не помню. Но увлечение филателией передаёт.

Марки гашёные, негашёные, с зубчиками, без зубчиков, с клеем, без клея, с водяными знаками, с надпечатками... Английские королевы, многочисленные британские колонии с неведомыми островами, по которым и изучали географию мира, немецкие с фашистскими знаками, царские, с императорами и земской почты... Яркие марки Бутана, многочисленные монгольские... Специальные альбомы, кляссеры... Рай для школьника тех лет. Думаю, никто из нашего поколения не миновал хоть мимолётного увлечения марками...

И филателистические магазины были... Помню, на пересечении улицы Чехова (Малой Дмитровки) с Садовым кольцом. В новой (шестидесятых годов!) башне на первом этаже. На набережной Тараса Шевченко, рядом с мостом, в большом сталинском доме. Отдел на втором этаже в Доме книги на Калининском проспекте (Новом Арбате). И как замирало детское сердце, когда рассматривал на витринах эти, по сути, клочочки бумаги с картинками из неведомых стран.

Также было и смежное увлечение — нумизматикой и фалеристикой (значки и знаки). Тоже было довольно массовым. Но с нумизматикой было сложнее. Это уже зачастую серебро, золото, валюта. То есть запрещённая законом деятельность. Она всё равно процветала, но как бы по умолчанию. Но о нумизматике московской — позже как-нибудь.

Специальные альбомы, кляссеры... Рай для школьника тех лет. Думаю, никто из нашего поколения не миновал хоть мимолётного увлечения марками...

В этом же доме жила семья великого Вертинского. Кстати, величие Вертинского я начал понимать только годам к пятидесяти. До этого так, не сказать, чтоб равнодушно, некоторые песни нравились, но не более. А потом понял весь кайф.

И его дочь, красавица Настя, училась в своё время в нашей школе. Старше, конечно, лет на десять, я её никогда не видел. Школа-то рядом. Спускаешься вниз до конца Козицкого, переходишь на ту сторону Пушкинской улицы (Большой Дмитровкой) — и уже, считай, пришёл.

Раньше на месте Совета Федерации были театр «Ромэн» и хозяйственный магазин. И проход к школе — за ними, которая притаилась в глубине огромного двора. Между Большой Дмитровкой, Петровкой и улицей Москвина (Петровским переулком). «Ромэн» потом перенесли на Ленинградский проспект, где гостиница «Советская». Построенная, кстати, по инициативе Василия Иосифовича Сталина для армейских спортсменов.

А на этом месте начали строить огромное административное здание. Строили лет двадцать. Для Госстроя. Начали, когда я ходил класс в третий, пришлось идти в школу уже через Петровку. Закончили уже в середине восьмидесятых, когда уже поучился в инязе, сходил в армию, работал и т. д. Одно время там был кабинет Б. Н. Ельцина. После очередной отставки его отправили руководить строительством. Видел фото, как раз на мою школу окна выходили.

Да, в тот исчезнувший хозяйственный, когда я был классе в третьем, однажды привезли занимательные штуковины. Маленькие баллончики ярко-оранжевого и красного цветов. Стоили они двадцать копеек.

В принципе, это было мощное средство производства Германской Демократической Республики. Ясно, что мы не озаботились вдруг мытьём окон и ванн. Вся эта гадкая жидкость выливалась, баллончики тщательно вымывались. А дальше — самое интересное.

В свинчивающейся чёрной крышке пробивалась гвоздём дырка — и вперёд! Брызгалка готова! Баллончик был удобный, отлично ложился в руку и легко прятался в карман. И начиналось поголовное обливание всех и вся. Визг одноклассниц был слышен до Кремля как минимум.

Мания обливать и обливаться была массовая. В радиусе километра от школы нельзя было спокойно пройти, чтобы не получить струю воды от какого-нибудь притаившегося в засаде малолетнего раздолбая.

Но потом, конечно, вызывали родителей в школу, наказывали наиболее активных, короче, славную инициативу прищучили. А потом мы выросли, развлечения тоже повзрослели, и всё испарилось само собой.

Кстати, первую водку я попробовал именно в Козицком переулке. Там, за театром Станиславского и Немировича-Данченко, прямо за стеной, располагался чудесный сквер. Поперёк переулка. На задворках усадьбы Салтыковых, которая

А на этом месте начали строить огромное административное здание. Строили лет двадцать. Для Госстроя.

является основой музыкального театра К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

Он есть и сейчас, только стал намного меньше. Как и везде в этом районе, дворы с садами, домиками, клумбами, одичавшими, но ещё плодоносящими яблонями и грушами — это остатки старинных усадеб.

Раньше там было две беседки. Круглая, такие стояли во многих дворах в центре, в том числе и в моём дворе в Столешниковом переулке, и длинная у стенки. Такие тоже часто встречались. Она была в самом конце сквера, и там, соответственно, молодежь выпивала разные разности и целовалась с барышнями. Причём не только целовалась.

Но речь сейчас не об этом. Мне лет пятнадцать-шестнадцать. И я вдруг с какими-то незнакомыми деятелями, волосатыми хиппарями, решил выпить водки. Первый раз в жизни. Пошли в Елисей, как-то купили, видимо, брали эти ребята, вид у меня всю жизнь и до сих пор детско-юношеский. Зашли в садик.

А стакана нет! И не висит нигде. Раньше же в каждом подобном закутке, беседке, шалаше висел или был спрятан под доску какую-то гранёный стакан. На всякий случай. А тут — нет. Ужас! И вот я, ребёнок, по сути, давился этой водкой прямо из горлышка. «Из горла» (с ударением на «а»), как говорили. Ощущения мрака и экзистенциальной прострации...

Потом я как-то поехал домой, это был праздник Седьмое ноября, и у станции метро «Площадь Свердлова» («Театральная») я приставал к солдатам в шинелях из оцепления и объяснял, как надо правильно бороться за мир во всём мире... Не забрали хоть тогда в ментовку.

Хотя я должен был проходить 17-е отделение милиции. Оно на углу улицы Москвина (ныне Петровский переулок) и Пушкинской улицы (ныне Большая Дмитровка). Отдел полиции какой-то там находится до сих пор. А так оно существовало с двадцатых годов точно. То есть этой ментовке уже лет сто. Мало осталось в Москве учреждений со столетней традицией на одном и том же месте.

Кстати, это было единственный раз в жизни, когда я пил водку по цене три шестьдесят две. Больше я её не встречал потом. Эта цифра стала легендарной в своё время, неким кодом, паролем. Присказкой в анекдотах и разных историях. До этого цена водки была два восемьдесят семь. Но этого я, конечно, не помню. Тогда водка официально не дорожала, но просто вводили в ассортимент другую, с другим названием: например, «Русская» по четыре двенадцать или «Старорусская» по четыре сорок два.

Вообще весь квартал, ограниченный по бокам Козицким переулком, улицей Станиславского и Немировича-Данченко (ныне Глинищевский переулок), а вдоль — улицей Горького (Тверской) и Пушкинской улицей (Большой Дмитровкой), назывался Бахрушинской, или — короче — Бахрой (с ударением на «о»).

Он есть и сейчас, только стал намного меньше. Как и везде в этом районе, дворы с садами, домиками, клумбами, одичавшими, но ещё плодоносящими яблонями и грушами — это остатки старинных усадеб.

Понятно, что большинство домов там выстроили знаменитые купцы Бахрушины. Ими в Москве сооружено множество домов. Например: Вдовый дом на Софийской набережной, где сейчас «Роснефть», больница в Сокольниках и, конечно, театр Корша на улице Москвина (в Петровском переулке). Там был и филиал МХАТа потом, сейчас — Театр наций. Очень глупое название, опять орусаченная английская калька. Ну да ладно.

Алексей Александрович Бахрушин, почётный гражданин Москвы, создал и Театральный музей, который находится в Замоскворечье, на улице его имени.

Я люблю Козицкий переулок. Хотя если смотреть на него с противоположной стороны улицы Горького, то он — просто щель между домами.

Лаз. И этот лаз сохранился. Избыток бабла в природе уничтожил многие потаённые закоулки и дворики города. Они стали стерильно чисты. Это тоже неправильно. Потерялась душа места. В детстве должны быть тайны, заброшенные чердаки, домики с подземными ходами, о которых никто не знает. Кроме тебя и твоих друзей. Они естественны для Москвы.

Сейчас же нажми кнопку в Интернете — и целый список «тайных» мест. Это нечестно. И лицемерно.

А ведь таких переулков было много в центре, они были как бы продолжением квартиры. То есть, переходя из комнаты в коридор, ты очутился бы на улице. И вёл бы себя так же, как дома. Сейчас квартиры, наоборот, клетка, защита от внешнего мира.

А тогда дворы, переулки — часть дома. Домашние. Козицкий — это коридор в общей квартире, в которой жило большинство моих одноклассников.

Вот здесь, справа, если смотреть от улицы Горького, жил Лёша Ефремов. Когда дом красили, то мы от него бегали за портвешом в Елисей по строительным лесам. Просто выходили в окно и спускались. Это было быстрее, чем через лестницу и подъезд.

Здесь решил поместить свой рассказ. Он был опубликован в 2019 году в книге «Воскрешение на Патриарших». Там действие происходит именно в Козицком переулке. Правда, кафе этого уже нет, увы. Итак, рубрика

НИ К СЕЛУ НИ К ГОРОДУ — 1

Счастливый бегемот

— Ну что же такое... Посмотри внимательно! Разве этот бегемот счастливый?! — Денис вздрогнул и очнулся. Чуть сбоку, через пару столиков, стояла молоденькая полноватая девушка в белом фартуке с оборками под декаданс. Рядом с девушкой елозил на стуле его пятилетний сын Вовка. Собственно, восклицание барышни в фартуке относилось именно к Вовке.

Сегодня была суббота, и Денис привёл сына в кафе, где детей обучали лепке из настоящего шоколада. Тема для лепки,

Потерялась душа места.
В детстве должны быть тайны, заброшенные чердаки, домики с подземными ходами, о которых никто не знает. Кроме тебя и твоих друзей.

а здесь старались проводить тематические детские тусовки, называлась «Счастливый бегемот». Примерно семь малышей, отягощённых родителями, пыхтя, мяли шоколадную массу. Изредка из детских ручонок вываливалась какая-то жуткая фигурка типа куска колбасы с ушами-блинами. Как сейчас у Вовки. Вот именно об этом чудище и говорила девушка как о не очень счастливом бегемоте. Зато эту отвратительную колбасу можно было периодически откусывать-облизывать, и это был ключевой момент в шоколадном творчестве.

— Понимаешь, счастливый бегемот должен радоваться жизни! Улыбаться, скакать, веселиться, а у тебя он получился какой-то грустный! — Девушка терпеливо взяла колбасу с ушами и стала руками в резиновых перчатках аккуратно придавать массе отдалённое бегемотье очертание.

«Вот счастливый бегемот! Что он нам несёт...» — завертелась песенка в голове у Дениса.

Вовка кивал, следя за ловкими движениями девушки. Малышня вокруг галдела. Родители обречённо улыбались.

Денис был в этом кафе впервые. Обычно Вовку водила сюда Марина, его жена, а сейчас она закрутилась и сопровождать отпрыска отправился он. Собственно, это Вовка привёл его сюда, а не наоборот. Кафе располагалось в Козицком переулке, в подвале, и, когда Денис спускался по крутой лестнице в зал, какое-то смутное воспоминание мелькнуло у него внутри. Но до времени исчезло. В окне под потолком мелькали ноги прохожих, и, казалось, яркое солнце стучится в стекло.

«Счастливый бегемот... не курит и не пьёт... — барабанил пальцами по столу Денис. — Интересно, а я счастливый человек?! Дурь какая... И вообще я был счастлив когда-нибудь?!»

Денис зачем-то осмотрелся вокруг. Малыши продолжали целеустремлённо сопеть и гудеть, иногда даже взвизгивали от радости, если в их детском мозгу возникала какая-нибудь новая идея о конструкции бегемота.

«А что?! У меня всё хорошо. Вот Вовка. Дома Марина. Прекрасная жена, именно такую я и хотел всегда. Вовка, правда, получился поздний ребёнок. Ему сейчас пять, а мне — полтинничек. Но ведь это счастье. Наверное. Откуда такие мысли дурацкие про “наверное”?! — Взгляд Дениса продолжал бродить по закоулкам кафе, словно ища что-то знакомое. — Стоп. Ну конечно! Вспомнил! Надо же».

В этот момент луч солнца всё же вбежал в пространство подвала, пошарил по стенам и, не найдя ничего интересного, выскочил наружу. Хлопнула дверь, на лестнице появился Илья. Денис дружил с Ильёй ещё со школы, они общались урывками, то сходились, то, не ссорясь, расходились. Но оба всегда были рады встречам, хотя уже давно между ними не было точек соприкосновения. Кроме одной, корневой — детства. И каждый раз, вне зависимости от того, сколько лет они не виделись, у них продолжался тот единственно важный разговор,

В этот момент луч солнца всё же вбежал в пространство подвала, пошарил по стенам и, не найдя ничего интересного, выскочил наружу.

начатый лет сорок с чем-то назад на ступеньках школы. Она располагалась тут же, неподалёку, в переполненном тополями и китайкой старомосковском дворе. Тогда их, перепуганных суетой малышей, торжественно вводили в жизнь через школьные двери.

— Привет. Привет, Вовка! — Илья отодвинул стул и, присев, помахал рукой мальчугану. — Надо же, в приёмке кафе сделали, чудеса!

Илья был немного взъерошен, его чуть кудрявые волосы вздыбились, было видно, что он выпил. Нет, он был не пьян, а балансировал между «слегка приложился» и «понесло».

— Надо же, — удивился Денис. — Сразу узнал. А я — нет. Час просидел, думал о счастье. А потом вдруг сообразил, что кафе это в бывшем приёмном пункте посуды сделали!

— Что звонил, по делу или так, повидаться? Счастье... Явно стареем, о всяких глупостях начинаем думать. Есть тут что-нибудь туда-сюда? — Илья листал меню. — Ну и к каким неутешительным выводам пришёл ты в размышлениях о счастье?

— Просто повидаться. А так... дурь всякая в башку лезет. Человек — всё-таки скотина дикая. Вот ведь есть Вовка, есть Марина, которую я люблю по большому счёту. Да и без всякого счёта люблю. Работа есть. Не бедствую совсем. А сам думаю: счастлив я или нет? И, знаешь, какой бред меня посетил? Что по-настоящему я был счастлив только один раз! Причём в детстве. И причём именно здесь!

— В смысле?!

— Я не помню, какой это был класс. Третий, четвёртый? В «Детском мире» вдруг стали продавать индейцев. Помнишь, такие клёвые резиновые гэдээровские фигурки? Это было что-то! Айфон любой — чепуха по сравнению с индейцами! Хотелось жутко. А денег нет. И ясно, что завтра их уже не будет в магазине, расхватают. Кошмар. Понятно, что родители на такую глупость денег не дадут. Да и не очень с деньгами у нас было, ты знаешь. А нужно было много. Где-то три пятьдесят, что ли, стоил набор.

— Пожалуй, граммов сто пятьдесят вискарика я заглочу. И всё. Иначе отплыву. В дальние страны. Ну и где взял бабки? Кстати, смешно сейчас, но это прежняя месячная квартплата!

— Ну да. Примерно. А я помчался по дворам, по скверам, по бульварам. Собирать бутылки. Пустылки, как тогда говорили. Двенадцать копеек — поллитровая, семнадцать — ноль семьдесят пятая. Короче, метался почти сутки, набрал штук тридцать. И вот, обвешанный авоськами, я потащился в приёмный пункт. Сначала — в Столешников, в винный. Не берут. Мол, маленький ещё — посуду сдавать. Я чуть не в слёзы. Поташил наверх, к церкви. Там закрыто. Тары нет. Как всегда. В «Минеральные воды» на Горького. Но там взяли только пару штук из-под воды. А у меня в основном водочные и винные. Отчаяние прямо. Что делать?! Представь, десятилетний

Она располагалась тут же, неподалёку, в переполненном тополями и китайкой старомосковском дворе. Тогда их, перепуганных суетой малышей, торжественно вводили в жизнь через школьные двери.

пацан таскает на себе полтора ящика пустой посуды. Но индейцы, сам понимаешь! Короче, пришёл сюда. Очередь — километр, опять тары нет. Реву. Вдруг старичок, такой благообразный, подходит: мол, что ревёшь, дурашка? Рассказал. Он улыбнулся, у него ещё аккуратная седая бородка, глаза добрые, прозрачно-голубые, как сейчас помню, достал эти три пятьдесят из кармана и отдал мне. Мол, ему всё равно стоять здесь, он и мою посуду сдаст. Отдал я ему всё вместе с сетками и бегом в «Дэ-Эм». Купил индейцев! Иду вниз по Пушечной, весь свечусь! И вот до сих пор помню это чувство. Сердце и замирает в груди, и одновременно где-то поверх крыш плывёт. И люди на тебя оборачиваются и улыбаются! Вот так было. Ну а ты?

— Знаешь, Дениск... — Илья взял стакан и медленно, приглядываясь, повертел его перед носом. Солнце, попадая на остатки виски, наполняло его густо-коричневым цветом, отчего совершенно простой стакан становился тяжёлым и значимым. — Меня всегда интересовали части, осколки целого. Не целое. Например, в книгах. Недавно, к ужасу, понял, что не знаю, чем закончился роман «Идиот». То есть понимаю чем, но не знаю наверняка. А фильм даже смотреть не стал. А ведь я люблю эту книгу! Очень. И часто перечитываю куски, иногда — жадно, как с похмельной жажды, иногда — медленно, ловя кайф от сочетаний слов. Для меня это как частички жизни. А общий смысл, итог неважен. То есть важен, но он понятен. Или я просто так устроен?! Понимаешь?

Денис молча смотрел в сторону Вовки, но, услышав вопрос, кивнул. Илья тоже кивнул ему и продолжил:

— И вот ещё что. Оказывается, эту жизнь можно было прожить с кем-то. В смысле, разные её части — с разными людьми. Нет, не так. Разные люди очень хорошо подошли бы к разным эпизодам жизни. Например, с Алиной одной хорошо было бы жить лет в тридцать пять — тридцать семь в Переделкино, в своём доме. Она писала хорошую прозу, и такое литературное место ей бы было в кайф. Да и мне нравятся тамошние околописательские улочки. То есть именно в этот отрезок жизни, понимаешь? Ни раньше, ни позже. А вот с Иркочкой хорошо было бы жить лет в сорок на Малой Бронной. Ходить в кафе и ни фига не делать. И так можно всех моих баб по жизненным полкам рассовать. Но самое интересное в другом. Я реально мог всё это осуществить в те годы. И по деньгам, и по отношениям. Но этого не произошло. И сейчас мне уже абсолютно не нужны ни трёшка на Бронной, ни особняк в Переделкино. Просто не надо. Попытаюсь сформулировать. Определённая женщина нужна в определённый момент жизни. Возраст должен соответствовать месту и человеку.

— Умно, — усмехнулся Денис. — А счастье? Счастье-то было или как?

И вот до сих пор помню это чувство. Сердце и замирает в груди, и одновременно где-то поверх крыш плывёт. И люди на тебя оборачиваются и улыбаются!

Он думал о том, как сейчас попадёт домой, где его встретит усталая и высохшая от жизни жена Маргарита, та самая девушка Рита, на которой он не женился в двадцать пять.

— Счастье... — продолжил вертеть стакан Илья. — Понимаешь, сейчас, только сейчас я понял, что за всю жизнь меня любил всего один человек. Мне было двадцать пять, ей — тоже. Удивительно, но мы родились в один день, в один год. Любил ли я её тогда? Не знаю. Но то, что она меня любила, — это точно. У неё были зелёные глаза, и однажды они превратились в голубые, когда мы целовались с ней в садике у памятника Алексею Толстому на Никитских воротах. Представляешь, какое чудо? А почему не вышло, почему я тогда на ней не женился? Наверное, мне было трудно представить, что это именно и есть тот самый человек, на всю жизнь. А вдруг что-то другое появится? И я ждал. Ждать — естественное состояние человека. Но ничего не произошло. Никто, подобный ей, тогда, в наши двадцать пять, не появился. Вот моё счастье тогда и было, это уже очевидно. Точнее, это были ворота в счастье, в которые я так и не зашёл.

Остатки виски задрожали в стакане. Илья резко допил и махнул официантке, видимо, желая заказать ещё. Потом подумал и отрицательно покачал головой подошедшей девушке.

— Не попался мне тогда Николай Угодник, который сделал бы всё как должно. Как тебе здесь, в приёмке посуды.

— Какой Николай Угодник?! — удивился Денис.

— Обычный. Мирликийский. Ты описал в точности, как выглядит Святой Николай Угодник на иконах. Судя по всему, он и дал тебе трёшку на индейцев.

— Да ладно тебе чушь молоть! Обычный дед.

— Ну не верь. Ладно, пошёл. А то опять нажрусь. Что-то в последнее время затягивает. Интересно, ты — про глаза голубые деда, я — про голубые глаза Риты. Может, это одни и те же глаза были, а я не понял?! Или я уже напилсь?!

— Я тебя провожу, — поднялся Денис.

— Не надо.

— Да я до угла. Пройтись и вернуться. Хочу на Вовку со стороны посмотреть. Не верится до сих пор, что это мой сын.

На углу Козицкого переулка друзья расстались. Илья пошёл направо, по направлению к Пушкинской. Он брёл, пошатаваясь, у него развязался шнурок. Денис хотел было догнать друга, сказать, но Илья вдруг увидел это сам. Он поднял ногу на парапет у витрины Елисеевского магазина и, путаясь в пальцах, попытался завязать ботинок. Это у него не вышло, и он просто заткнул шнурки внутрь и, покачиваясь, пошёл дальше.

Он думал о том, как сейчас попадёт домой, где его встретит усталая и высохшая от жизни жена Маргарита, та самая девушка Рита, на которой он не женился в двадцать пять. Но отыскал в сорок восемь и уговорил уже совершенно чужого ему человека выйти за него замуж. И начался кошмар, от которого Илья бежал в стакан.

Денис всего это не знал и шагал назад, в шоколадное кафе. Козицкий переулком разделялся чётко пополам огромной кошой тенью от громадных бахрушинских домов. У тротуара, на границе светотени, стояла красная «феррари». Спортивная, почти игрушечная. Внутри на зеркале, рядом с Георгиевской ленточкой, на тесьме с бусинками вертелась иконка.

Денис думал об Илье, о его неслучившемся счастье, о том, что всё-таки нехорошо, когда и посуда пустая, и Марина, и Вовка соединились у него в голове вместе.

Взгляд его задумчиво поднимался по водосточным трубам всё выше и выше, наконец под самой крышей вспугнул голубей. И они, недовольно фырча, устремились в узкую щель московского неба.

У входа в кафе, переминаясь с ноги на ногу, его уже ждал Вовка. Рядом стояла молоденькая, чуть полноватая девушка в белом фартуке с оборками под декаданс и держала в руках завязанный розовой ленточкой прозрачный пакет с бурой массой внутри. На пакете скотчем была приклеена бумажка «Счастливым бегемот».

Вот такой рассказик. Но кафе на месте приёмки посуды уже тоже нет. Быстро всё стало меняться. Увы.

Продолжаем...

Глава первая

УЛИЦА ГОРЬКОГО — ТВЕРСКАЯ.

ОТ ПУШКИНА ДО ЮРИЯ ДОЛГОРУКОГО... ОКРЕСТНОСТИ

Люблю я Козицкий. Если спускаться вниз от улицы Горького (Тверской), то в самом конце слева, на пересечении с Пушкинской улицей (Большой Дмитровкой), стоит примечательный дом. Стоит он на месте разрушенного в 1934 году храма.

Но тем не менее дом выдающийся. Он странный. В хорошем смысле странный. Смесь конструктивизма и классицизма.

Я часто вспоминаю слова Эдуарда Лимонова о том, что сталинская архитектура — это наш Древний Рим. В ней есть массивность, добротность архитектуры того периода, и одновременно лёгкость и воздушность. Удивительный, огромный, совершенно античный балкон с колоннами наверху. Он считался глухим, но Вика Волкова, одноклассница моя, рассказывала, что можно пройти тайными тропами на этот волшебный балкон. Красивая была Вика.

А внизу до нашествия кабаков на Москву, которые завоевали и принудили к сожительству весь центр столицы, была известная парикмахерская. Лет семьдесят была.

Помню Викину квартиру с окнами на переулочек и Пушкинскую улицу. Бабушка Вики, которая и получила чудесную квартиру в доме-башне, была не проста. Её звали Мария Ивановна

Взгляд его задумчиво поднимался по водосточным трубам всё выше и выше, наконец под самой крышей вспугнул голубей. И они, недовольно фырча, устремились в узкую щель московского неба.

Такое сейчас трудно вообразить, но тогда топовыми новостями на радио, в прессе, просто в людских разговорах были рекорды двух скромных ткачих.

Виноградова, известнейшая в тридцатые годы ткачиха, переводик стахановского движения в ткацкой промышленности.

Вместе со сменщицей и однофамилицей Дусей Виноградовой она умудрялась работать сначала на 20, потом на 70, затем на 140 и в конце на 240 ткацких станках. Было такое соревнование трудовое, которое распространилось по всей стране.

Такое сейчас трудно вообразить, но тогда топовыми новостями на радио, в прессе, просто в людских разговорах были рекорды двух скромных ткачих. И девушки, в том числе и Мария, были настоящими народными героями. СобираТЕЛЬный образ Марии и Дуси Виноградовых воплотила великая Любовь Орлова в фильме «Светлый путь» 1940 года.

Кстати, именно в этом фильме режиссёра Григория Александрова впервые прозвучала грандиозная песня «Марш энтузиастов», написанная композитором Исааком Дунаевским на слова поэта Анатолия Д'Актиля (псевдоним Анатолия Адольфовича Френкеля). В финале её поёт именно Любовь Орлова.

*В буднях великих строек,
В весёлом грохоте, в огнях и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна учёных!
Ты по степи, ты по лесу,
Ты к тропикам, ты к полюсу
Легла родимая, необозримая,
Несокрушимая моя!*

Припев:
*Нам нет преград
Ни в море, ни на суше,
Нам не страшны
Ни льды, ни облака.
Пламя души своей,
Знамя страны своей
Мы пронесём
Через миры и века!*

*Нам ли стоять на месте!
В своих дерзаниях всегда мы правы.
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы.
К станку ли ты склоняешься,
В скалу ли ты врубаешься —
Мечта прекрасная, ещё неясная,
Уже зовёт тебя вперёд.*

Припев.

*Создан наш мир на славу,
За годы сделаны дела столетий.*

*Счастье берём по праву,
И жарко любим, и поём, как дети.
И звёзды наши алые
Сверкают небывалые
Над всеми странами, над океанами
Осуществлённую мечтой.*

Припев.

Именем Марии Ивановны Виноградовой названы улицы в разных городах и пароходы. Четыре ордена Ленина, Герой Социалистического Труда, депутат. Я её помню плохо. А Вика Волкова, её внучка и моя одноклассница, повторю, была очень красивая. Потом она училась со мной в инязе, на год старше. Потому что я с первого раза не поступил в МГПИЯ.

Там же жил артист Евгений Александрович Моргунов. Знаменитый Бывалый из легендарной «Операции “Ы”» Леонида Иовича Гайдая. В артисты он попал благодаря письму к Сталину, в котором рассказал, что очень хочет стать артистом, но его не берут в театральное училище. После письма его сразу взяли в мастерскую Таирова, а затем и во ВГИК.

Его сын Антон учился в нашей школе, лет на пять младше. Был шустрим мальчиком, поэтому папу часто вызывали в школу. Папа приезжал на старом «уазике», который называли «козлом». Маленький, неудобный. Сценку, как оттуда вылезал огромный, ростом за метр восемьдесят, Евгений Александрович, надо описывать отдельно.

Она достойна лучших фильмов Гайдая. В несколько приёмов, крихтя и сопя. Кстати, непонятно, почему он приезжал на машине?! От дома до школы пять минут пешком. Ну семь. Это максимум.

Ну а далее разворачивалось продолжение спектакля. Точная копия «Операции “Ы”». Когда Бывалый перед ограблением склада боксирует грушу. И, запыхавшись, протирает лысину платком.

Тут было то же самое. Огромный понурый Моргунов, рядом — опустивший голову Моргунов-младший, а учительница отчитывает и старшего, и младшего. Евгений Александрович волнуется, лысина потеет, он вздыхает, достаёт платок, по-моему, даже красный, как в кино, и грустно вытирает пот. А мы все, хихикая, смотрим на спектакль из-за угла!

Козицкий упирается в Пушкинскую улицу, и там прямо напротив — интереснейший дом № 32. В нём с самого начала XX века, с 1903 года, через все революции, войны, около ста лет, был мебельный магазин, построенный торговцем Рафаилом Левинсоном по проекту А. Э. Эрихсона (в сотрудничестве с И. А. Германом). И в моём детстве он тоже был, соответственно.

Тут было то же самое. Огромный понурый Моргунов, рядом — опустивший голову Моргунов-младший, а учительница отчитывает и старшего, и младшего.

И кафешка, которая находилась в левом крыле огромного дома, тоже называлась в народе мебельно — «Деревяшка». О кафе чуть позже расскажу. Понятно, что Левинсон купил землю под шикарный дом у владельцев усадьбы. Не устаю повторять, что центр Москвы — это усадьбы царские, боярские, дворянские. И в моём детстве остатки прежней роскоши можно было увидеть повсеместно. Где флигелёк, где старинный сад, вдруг, как бы ниоткуда, либо въездные ворота, не ведущие никуда.

Так вот эта земля на Большой Дмитровке — часть усадьбы княгини Елизаветы Голицыной. Потом, со временем, барскую усадьбу начали продавать, пилить, сдавать в аренду. В конце девятнадцатого века здесь заработал Московский шахматный кружок. И во дворе дома по Большой Дмитровке, 32, в остатках голицынского дома, с 7 ноября 1896 года по 11 января 1897-го проходил матч-реванш на первенство мира между немцем Эмануэлем Ласкером (в зелёных носках; почему — читайте дальше!) и австрийцем Вильгельмом Стейницем.

Надо сказать о роли шахмат в прежнее время. Это сейчас шахматы для большинства молодых людей — ни о чём. А с конца девятнадцатого века до восьмидесятых годов двадцатого люди буквально боготворили шахматных чемпионов. Они считались лучшими людьми и страны, и человечества, интеллектуальным цветом нации.

Имена Александра Алехина, Хосе Рауля Капабланки, Михаила Ботвинника, Эмануила Ласкера, Тиграна Петросяна, Роберта Фишера, Виктора Корчного, Анатолия Карпова знали точно так же, как сейчас знают Илона Маска, Марка Цукерберга, Билла Гейтса... Но эти деятели — по сути, талантливые менеджеры.

А шахматисты — реально гении в своём особом мире. Шахматы позиционировались как показатель интеллектуальной мощи страны. И вопросы шахмат решались на уровне глав государств.

Высоцкий пел известную песенку про матч Бобби Фишера и советские шахматы, «Честь шахматной короны»:

*Я кричал: «Вы что там, обалдели?
Уронили шахматный престиж!»
Мне сказали в нашем спортотделе:
«Ага, прекрасно — ты и защитишь!
Но учти, что Фишер очень ярок,
Даже спит с доскою — сила в ём,
Он играет чисто, без помарок...»
Ничего, я тоже не подарок,
У меня в запасе — ход конём...*

Я ещё вспомнил песенку шуточную прекрасного барда Леонида Сергеева, которую он исполнял на разные голоса, о матче Анатолия Карпова с Корчным. Матч был действительно

Это сейчас шахматы для большинства молодых людей — ни о чём. А с конца девятнадцатого века до восьмидесятых годов двадцатого люди буквально боготворили шахматных чемпионов. Они считались лучшими людьми и страны, и человечества, интеллектуальным цветом нации.

главным политическим событием того времени, потому что бывший советский гроссмейстер Виктор Корчной, сбежавший на Запад, встретился в финале матча за звание чемпиона мира с советским гроссмейстером Анатолием Карповым.

Опера «Шахматы»

Действующие лица и их исполнители:

Анатолий Карпов — лирический тенор

Михаил Таль, секундант — баритон

Претендент — драматический баритон

Госпожа Лееверик, начальник команды Корчного — меццо-сопрано

Вася Алексеев — бас-профундо

Голос по телетайпу — ещё профундее

Пролог

Вот, справа, он — кумир всего народа,

Пьёт лишь кефир в ответственный момент!

Вот, слева, он — без племени, без рода,

С презрительным названьем «претендент».

Карпов перед матчем (волнуясь)

Я должен, я могу, я выиграть желаю.

Я слово дал в Москве, что буду до конца.

А если, боже мой, я часом проиграю —

О боже, страхи прочь... Плесни в кефир винца!

Таль (успокаивая)

Возьми себя в руки, мой мальчик!

Весь БАМ за тебя и КамАЗ,

Анадырь, Алатырь и Нальчик,

Находка, Тайшет и весь Кузбасс!

Претендент перед матчем (самоуверенно)

Каков щенец! Он думает, что мастер!

Да я его без лишних громких фраз!

Ведь он, ей-бог, кровать мочил от счастья,

Что Бобби отказался в прошлый раз!

Госпожа Лееверик (успокаивающе)

Виктор, недооценивать не нужно.

Я знаю, что на матче будет жарко.

И, чтобы нам не сесть случайно в лужу,

Я выписала всю «Ананду Маргу».

Гроссмейстер Филип, судья соревнований
*Джентльмены, поприветствуйте друг друга,
И тогда запустим жребий мы по кругу.*

Карпов (волнуясь)
Руки не дам, не дам руки!

Претендент
*Ах ты, поскрёбьши! Я ж тебя
Со сцены выкину в тычки!*

Карпов
Судья, вы слышали, судья?

Таль (успокаивающе)
*Успокойся, мальчик мой,
Он тебя побьёт едва ли.*

Алексеев Вася (в зале)
*Успокойся, дорогой.
Я тебе говорю: успокойся, дорогой!*

Претендент (штушевавшись, отхлёбывает кефир из стакана чемпиона в явно провокационных целях)
*Протест! Протест! В кефире запах спирта!
Протест! Протест! Скорей сюда эксперта!*

Вася Алексеев (из зала, добродушно)
*Я тебя, зараза-диссидент,
Заэкспертизирую в момент!
Тот, кто Толю пальцем тронет,
Будет здесь и захоронен,
Это говорю вам я!*

Претендент
Судья, вы слышали, судья?

Тропическая ночь над Багио. Номер чемпиона мира.

Карпов (волнуясь)
*Уж полночь минула, спасения не вижу.
Ах, этот слон, ах, сволоочь, на эф-семь!
Ах, целый день сверлил глазами рыжий,
А голова тяжёлая совсем!*

Таль (успокаивающе)
*Усни, мой милый мальчик,
Ты выдохся совсем,
И вынь из носа пальчик!..*

(В сторону)
Готовьте ЭВМ!

ЗВМ (просчитав варианты)

Спасенья нет!

(подумав):

И привет!

*На БАМе, КамАЗе, в Анадыре, Алатыре, в Нальчике,
в Находке, Тайшете и Кузбассе:*

Уже пять-пять!

Ить твою мать!

Ночь перед финальной партией. Коттедж претендента.

Радостный хор диссидентов

А завтра будет чемпионом

Виктор Львович дорогой!

А Витя, Витя, Витя,

А Витя, Витя, Витя

Завтра будет чемпионом

Виктор Львович дорогой!

Претендент (самоуверенно)

Я завтра сделаю свой самый сильный ход:

Отдам ферзя за пешку в миттельшпиле.

Он будет долго думать: или — или —

И попадёт в отчаянный цейтнот.

Хор диссидентов

Ура-а-а!

В это время Вася Алексеев на улице (добродушно)

Ну что ж ты на меня, глупыш, с базукой?

Вот видишь, я вяжу её узлом.

А ты, глупыш, умри хотя б без звука.

Ну, вроде все пятнадцать за углом.

Ох и хилая команда

Эта самая «Ананда».

Завтра утром подберут!

Чтой-то я сегодня крут...

Финальная партия. Дебют.

Претендент (самоуверенно)

Е-два на е-четыре! Сейчас ты будешь бит!

Карпов

Конь на эф-шесть! Как смотрит этот рыжий...

Претендент

Слон на це-пять, плевал я на гамбит!

Карпов

Е-семь — е-пять, пора бы смазать лыжи...

Миттельшпиль.

Карпов (волнуясь)

Я в длинную хочу рокироваться...

Претендент (самоуверенно)

Тебе, щенец, пора бы уж сдаваться!

На, получай!

Ставит ферзя под бой.

Карпов

Ой!

Эндишпиль.

Карпов (думает десятый час)

Под бой поставил он ферзя,

А может, брать его нельзя?

Кто мне подскажет, кто поможет?

Один мой ум решить не может.

Остаётся десять секунд до падения флага.

Голос по телетайпу

Политбюро решило: надо взять!

Карпов

Беру, беру!

Претендент

Ой, я умру!..

Хор диссидентов

Ить твою мать!

Ить твою мать!

Так что и матч Эмануила Ласкера и Вильгельма Стейница на Большой Дмитровке, во дворе дома 32, был грандиозным событием того времени. Сильно перестроенный дом княгини Голицыной можно было увидеть, зайдя в подворотню, слева от кафе. Сейчас всё очень быстро исчезает, не знаю, цел ли.

Отголоски того матча да и вообще показатель сверхпопулярности шахмат в двадцатые годы двадцатого века в СССР видны по роману «Двенадцать стульев» 1927 года Ильи Ильфа и Евгения Петрова.

Где Остап Бендер разводит на деньги шахматный кружок в захолустных Васюках, рисуя им перспективы создания в Нью-Васюках шахматной столицы мира. И какие гости могут прибыть в новый цветущий город Нью-Васюки. Одноглазого васюкинского шахматиста в фильме Гайдая феерически сыграл Савелий Крамаров.

«Вдруг на горизонте была усмотрена чёрная точка. Она быстро приближалась и росла, превратившись в большой изумрудный парашют. Как большая редька, висел на парашютном кольце человек с чемоданчиком.

— Это он! — закричал одноглазый. — Ура! Ура! Ура! Я узнаю великого философа-шахматиста, доктора Ласкера. Только он один во всём мире носит такие зелёные носочки.

Хосе Рауль Капабланка-и-Граупера снова поморщился.

Ласкеру проворно подставили мраморную лестницу, и бодрый экс-чемпион, сдувая с левого рукава пылинку, севшую на него во время полёта над Силезией, упал в объятия одноглазого. Одноглазый взял Ласкера за талию, подвёл его к чемпиону и сказал:

— Помириться! Прошу вас от имени широких васюкинских масс! Помириться!

Хосе Рауль шумно вздохнул и, потрясая руку старого ветерана, сказал:

— Я всегда преклонялся перед вашей идеей перевода слона в испанской партии с b5 на c4.

— Ура! — воскликнул одноглазый. — Просто и убедительно, в стиле чемпиона!»

Так что, были ли зелёные носки у гроссмейстера Ласкера или нет, на совести Ильфа и Петрова! Хотя, может, он их и носил в действительности, всяко бывает. Но вернёмся к кафе. К «Деревяшке». Оно было довольно примечательным. Кстати, народное название могло появиться не только из-за близости к легендарному мебельному, но и из-за облицовки стен внутри деревянными панелями.

Перед входом в зал был довольно большой вестибюль с гардеробом. Вроде как у солидных ресторанов. Но на самом деле это была обычная в советской Москве смесь столовой с кафе. Но, в отличие от рядового общепита там: а) был швейцар-гардеробщик и б) оно работало до двенадцати вечера или даже дольше. Поэтому его иногда называли таксистским: мол, для водителей такси, которые могли здесь перекусить.

Хотя справедливости ради надо сказать, что на Пушкинской улице (Большой Дмитровке) было ещё одно таксистское кафе, «Зелёный огонёк». Тоже работавшее за полночь. Таких заведений, открытых по ночам, в семидесятых-восемидесятых годах было очень мало.

Перед входом в зал был довольно большой вестибюль с гардеробом. Вроде как у солидных ресторанов. Но на самом деле это была обычная в советской Москве смесь столовой с кафе.

Справа от входа стояла барная стойка со стандартными бутылками из-под дорогих иностранных виски. И, как всегда в тогдашних барах, сигареты «Ява-100». То есть стомиллиметровые, длинные. Их почему-то в те годы никто не брал. Посередине, ближе к задней стенке, был длинный прилавок, столовский, у которого набираешь еду и двигаешь поднос к кассе. Всё это хозяйство отделял от зала ажурный с железными прибабасами заборчик. Так что было вполне прилично.

Наливали там вина, коньяки, шампанское. Но только когда закончит работать вариант столовой. Часа в четыре дня.

Вот там есть атмосфера, ностальгия по... настоящему, что уж там. Сейчас почти нет реальности. Вдруг подумал, что современный дизайн — это как раз уход от подлинного. Вариант лицемерия.

Описываю подробно потому, что таких мест в Москве не сохранилось. А раньше они были везде. Да, нечто похожее, без подносов, но с настоящей барной стойкой из конца семидесятых (не пластиковый дизайн современный) сейчас я видел только в кафе «Пальмира», совсем неподалёку. За углом от бывшего кинотеатра «Россия», в Путинковском проезде. Там, где сбоку была булочная. Давным-давно... Я там бываю. Его держат очень доброжелательные сирийцы, давно уже обрусевшие. И дети их говорят по-русски как мы с вами.

Вот там есть атмосфера, ностальгия по... настоящему, что уж там. Сейчас почти нет реальности. Вдруг подумал, что современный дизайн — это как раз уход от подлинного. Вариант лицемерия. Ну да ладно.

Вернёмся в «Деревяшку». Однажды — наверное, это было в самом начале девяностых — мне позвонил институтский друг Андрей Миролюбов. С подкупающим новизной предложением: «А не выпить ли нам зелья какого благородного?!» Я сказал волшебное и многофункциональное слово «отнюдь» и пополз надевать штаны. Учтите, никаких мобильных тогда не было. Просто не было в природе. Ни у нас, ни на Западе. Спокойно общались, встречались, легко находили друг друга. Всегда.

Надо признаться, чего уж там, я тирлиббомбойкал большую часть своей жизни. В каком месте ставить ударение в слове «большую», решайте сами. Но факт.

Короче говоря, Миролюбов закупил того-сего, у него были деньги, по факту он высококлассный переводчик, и я примчался в «Деревяшку». Она работала ещё как столовка, был день-деньской. Мы даже взяли чего-то закусить. Что пили, не помню. Времена уже были стрёмные, не до эстетства. Наверное, портвейн. Или водовку. Всё было прекрасно. Потом появился Лёня, наш друг, ныне драматург, в те годы дворник и студент Литературного института.

Было весело и хорошо. Но выпивка заканчивалась, денег больше не было. Начали грустить. Вдруг... Всё самое интересное всегда, во все времена происходит только вдруг. Я это уже точно знаю.

Ну и сейчас вдруг перед нашим столиком материализовались два шкафа. Огромные мужики. Но с хорошими лицами. Этакие добрые медведи из советских мультиков.

— Мужики, мы не рассчитали и взяли слишком много водки. Нам столько не выпить. Вы не поможете?

Мы, конечно, обалдели. При тогдашнем серьёзном опыте общения с алкогольными напитками я ни до, ни после таких предложений не встречал.

Короче, шумную толпою мы пересели за их столик. И началось... Медведи забыли о том, что в них только что не лезло. В магазин бегали ещё раза три. Часам к пяти они вдруг вспомнили, что вечером у кого-то из них спектакль! Один из этих мужиков работал звукорежиссёром в Театре на Таганке.

«Работа есть работа», — твёрдо сказал кто-то из нас. И решили ехать в театр все вместе. Чтобы помочь дружественным медведям в нелёгком труде. Друзей же не бросают.

Такси в те годы практически не было в Москве. Прекрасная советская система государственных таксопарков была развалена, продана и пропитана. Везде ездили частники на убитых машинах. Причём убитых в полном смысле слова. Однажды, помню, в те годы поймал какой-то «жигуль». Сел на переднее сиденье, поехали, я протянул ноги и чуть не зацепил ботинком нёсшийся подо мной асфальт! Дно прогнило напрочь! Дыра!

— Ничего, — спокойно сказал водила. — Доедем...

Но это к слову. В Театр на Таганке мы тоже поехали на частнике. Уже подъезжая, вспомнили, что всё кончилось. И надо бы ещё взять с собой. В театр же едем, там тоже люди. Они тоже хотят счастья и радости.

У Яузского моста тормознули машину, приказали ждать. Там был справа от колокольни, почти на углу с набережной, винный. Затарились и уже спокойно, в полной невменяемости отправились на встречу с прекрасным.

В тот день давали «Чайку». Премьера. Тригорина играл Николай Губенко. Остальных не помню. Точнее, не так. Из остальных помню только Аллу Демидову. Но была ли она?! Но об этом — чуть позже.

Как мы пробрались внутрь театра в таком виде, история умалчивает. Каморка звукооператоров и, по-моему, по свету тоже располагались под самым потолком, над зрительным залом.

Доползли до этой операторской. Там большое окно в сторону сцены и балкончик рядом. Продолжили на пульте, где рулят звуком. Дальше я вышел из будки освежиться. Сел на балкончике. Пытаюсь понять, что на сцене происходит и зачем. А там всё нормально, спектакль идёт, люди в шмотках прежних годов ходят по сцене, что-то говорят. Наши ребята — профессионалы же, в любом состоянии включают что надо.

Тут ко мне на балкон вышел Лёня, ему надоело сидеть в будке за стеклом. И он решил ближе прикоснуться к прекрасному. Да, он с собой ещё что-то вынес. Короче, наливаем, смотрим. Вдруг Лёня говорит:

Пытаюсь понять, что на сцене происходит и зачем. А там всё нормально, спектакль идёт, люди в шмотках прежних годов ходят по сцене, что-то говорят.

— А я же роль Треплева знаю! Я в Ивановском театре когда-то играл.

Я киваю, мол, рад за него, сам-то до таких высот, как роль Треплева наизусть, не дошёл. Пока.

Тут Лёня резко встаёт, я спинным мозгом почувал: что-то сейчас будет...

Лёня, ныне Леонид Васильевич, хватает лонжу, канаты такие, в изобилии висящие под потолком, для всяких сценических нужд, и громогласно объявляет:

— А я сейчас на лонже через зрительный зал р-р-раз — и выпрыгну на сцену! И будет два Треплева! Представляешь, какая режиссёрская находка! В «Чайке» два Треплева!

Надо понимать, что это театр. Помещение под потолком. Слышимость идеальная. Голос у Лёнечки поставленный, актёрский. Зрители подняли головы и смотрят наверх. Актёры на сцене произносят текст на автомате и с интересом смотрят в нашу сторону: мол, чем же всё закончится.

Чем, чем... Лёня схватил ту злосчастную лонжу и прыгнул вниз. Я успел схватить его за ноги. А так как всю жизнь был хлипким, жилистый Леонид явно побеждал в перетягивании каната. Не хватало только ещё и мне повиснуть над залом, держась за Лёнечкины ноги.

На крики из будки выскочили Андрей Миролюбов и один из этих самых звукорежиссёров. Один схватил меня, чтобы я не улетел за новоявленным Треплевым, другой тянул канат с висящим над залом Лёней.

Надо ли говорить, что всё действие сопровождалось разнокалиберными словами, довольно точно выражавшими суть происходящего. Зрители уже совсем перестали смотреть на сцену. Все ждали развязки... Наконец Лёне надоело висеть, аки бабуину, над зрительным залом, он перестал рыпаться и читать текст чеховской пьесы, и мы аккуратно втащили его обратно. На сцене объявили антракт.

Мы радостно стали отмечать спасение Лёни. Он воодушевлённо рассказывал, что два Треплевых на сцене — это не предел. У него ещё много захватывающих дух режиссёрских находок. Дверь в конуру открылась. Вошёл багровый от ярости Николай Николаевич Губенко.

— Вон отсюда! Пьянь! Что это за люди?! В театре! Вы хоть понимаете, что весь зал смотрит на вас, козлов?! Наверх, а не на сцену! — И потом добавил, уже тише: — И, судя по всему, у вас тут интересней...

Дальше Андрюху Миролюбова и Лёню Доброхотова выводили из театра какие-то дюжие вахтёры. Меня же тащила практически на себе Алла Демидова. С пожарным. Причём волокла через колосники над сценой.

Помню, что объяснялся ей в любви, бормотал, как она прекрасна и удивительна, что, мол, она всегда была для меня идеалом женщины... Она нехорошо ругалась и волочила моё

Надо ли говорить, что всё действие сопровождалось разнокалиберными словами, довольно точно выражавшими суть происходящего. Зрители уже совсем перестали смотреть на сцену. Все ждали развязки...

тело вместе с крепким сноровистым мужичком. Только пятки мои в грязных кроссовках жалобно и гулко стучали по шатким доскам под потолком знаменитого Театра на Таганке...

Судьба тех отличных мужиков, звукооператоров мне неизвестна. Да, и ещё. Много лет спустя я пытался выяснить информацию о том спектакле «Чайка» с Н. Н. Губенко. Но нигде не нашёл, что там была занята Алла Сергеевна Демидова. Странно. Может, она просто пришла посмотреть, а тут вот такой казус. Не знаю.

Однако возвращаемся в центр столицы. Как я уже говорил, дом на углу Козицкого и Пушкинской улицы построили те же самые архитекторы, В. Н. Владимиров и Г. И. Луцкой, что создали и чудесное здание на улице Немировича-Данченко (сейчас Глинищевский переулок). В народе его называли Дом артистов, или Артистка. На этом месте стоял храм св. Алексия, Митрополита Московского начала восемнадцатого века. Жалко очень, что его снесли в конце тридцатых. Но Господь поругаем не бывает.

Это соседний с Козицким переулок, тоже между Тверской и Пушкинской улицей (Большой Дмитровкой).

Удивительный дом. Прекрасен своей странной смесью и идеальной классики римского образца, и советского устремления в будущее. Роспись внутри подъездов, барельефы на фасаде, напоминающие одновременно и старинные русские храмы в Юрьеве-Польском, и древнеегипетские фигуры, огромная арка с лестницами и потайными ходами...

И множество мемориальных досок знаменитым артистам и деятелям театра. Здесь жили О. Л. Книппер-Чехова, В. И. Немирович-Данченко, О. Н. Абдулов, В. П. Марецкая. Все — народные артисты СССР. И ещё много великих людей нашей культуры.

Как раз туда поселился давным-давно и Андрей Миролюбов, мой друг, талантливейший переводчик, о котором я писал в истории про Театр на Таганке. Там у него жила тётушка, которая много лет проработала во МХАТе, у Олега Николаевича Ефремова.

Там же, справа от арки, жил и дядя Сева, Всеволод Абдулов, сын великого артиста Осипа Наумовича Абдулова. Тоже прекрасный артист и друг Владимира Высоцкого. Особенно я люблю старые записи, где он читает стихи. И детские, и взрослые.

Однажды Миролюбов пошёл выносить ведро. В этих домах нет мусоропроводов, и надо выносить во двор, где стоят контейнеры. Собственно, так было везде в центре. Ну и выходит Миролюбов в трениках и майке меланхолично во двор, покуривая, с ведром. Вдруг слышит:

— Стоять!

Оборачивается, а это дядя Сева Абдулов.

— Здравствуйте, Всеволод Осипович.

— Андрюха, у меня всё есть. Пошли.

Удивительный дом. Прекрасен своей странной смесью и идеальной классики римского образца, и советского устремления в будущее

— В смысле?!

— Говорю тебе: есть всё! Водка, пиво...

Миролюбов сразу всё понял. Но сделал последнюю слабую попытку избежать неизбежного:

— Я же с ведром...

— Андрей, поставь вон к стенке. Кому, на хрен, нужно твоё ведро?!

И верно. Как рассказывал Миролюбов, что, когда он, пошатываясь, вышел через два дня от Севы Абдулова, ведро с мусором стояло там же. У стенки. Дядя Сева был прав. Андрей вздохнул, взял ведро, выбросил наконец мусор и пошёл сдаваться жене Вале, которая, конечно, рвала и метала.

Удивительные люди жили в этом доме. Однажды я зашёл к Андрею. На лестничной клетке там всего две квартиры. Слышу, Андрей беседует с каким-то дедушкой. Пока поднимался по лестнице, до меня долетали фразы этого старичка:

— Я сто раз говорил Косте, что он неправ...

— Костя, конечно, много сделал, но...

Я дошёл до Миролюбова, раскланялся со старичком, тот тоже любезно поздоровался и скрылся в квартире напротив.

Когда сели у Андрея на кухне, достали пиво, я спросил:

— Кто это?! И что за Костю он постоянно упоминал?!

— Это Анненков Николай Александрович, народный артист СССР. Ему под сто лет. Всю жизнь в Малом театре. До сих пор регулярно играет Фирса в «Вишнёвом саде». А Костя — ну, пошевели башкой...

— Неужели...

— Конечно! Константин Сергеевич Станиславский. Они дружили.

Сердце, конечно, ёкает. Для меня Станиславский — там же, ну примерно, где Куликовская битва. Может, чуть ближе. А вот тут запросто заходишь к человеку с пивом, а там друг Станиславского, которого он легко называет Костей.

Учениками Н. А. Анненкова были Олег Даль, Виталий Соломин, Виктор Павлов, Михаил Кононов...

Свои сто лет Николай Александрович Анненков встретил на сцене родного Малого театра, в пьесе А. К. Толстого «Царь Борис». А через несколько дней, 30 сентября 1999 года, умер.

В этом же чудесном доме жил один мой знакомый с детства парень. Митя Хлудов. Потомок знаменитой купеческой фамилии. Хлудовы были в числе богатейших семейств России до революции. Они владели огромной текстильной империей. Состояли в родстве с богатейшими фамилиями: Морозовыми, Мамонтовыми и другими. То ли мать, то ли бабушка Мити была родственницей Станиславского (Алексеева).

А сам он учился в нашей 49-й школе, которая, если напрямик, была в ста метрах от этого дома. Если перейти через Пушкинскую улицу. Сейчас этот путь перегородил Совет Федерации.

— Это Анненков Николай Александрович, народный артист СССР. Ему под сто лет. Всю жизнь в Малом театре. До сих пор регулярно играет Фирса в «Вишнёвом саде». А Костя — ну, пошевели башкой...

Митя был сумасшедшим. То есть по медицинским показателям. Да и на вид. Но он учился в нормальной, даже престижной нашей школе. Года на три младше меня. Эдакий блаженный. Пил, конечно, при этом.

С ним произошла печальная история. Когда умерла мать, он опять попал в дурку. К тому времени его квартира стала практически бриллиантовая. Времена были суровые, девяностые, и не пожалели дурачка. Вышел из больницы — и убили его. Но, помню, шёл по Горького с кем-то. Навстречу — Сапа, это была его школьная кличка.

— Привет, привет. Ты где-чего?

Я работал в какой-то очередной газете. Рассказал.

Сапа обрадовался:

— А я тоже газетчик!

Я изумился.

Он посмотрел, рассмеялся:

— Газетами у метро торгую!

Жаль парня.

На Артистке был большой двор с деревьями и гаражами. Если пройти из арки насквозь, то чуть правее была дырка в ограде. Даже не дырка, на ней было выломано несколько заборин. И сквозь неё протиснувшись и спрыгнув вниз, невысоко, с полметра, оказываешься в проходе сбоку от Театра музыкального имени Станиславского и Немировича-Данченко. Так короче. Срезаешь целый квартал. Сейчас, понятно, уже никуда не протиснешься и не спрыгнешь. Всё изменилось, застроено.

Направо — та же самая Пушкинская улица, налево — лабиринты дворов, закоулков, тупиков, проходных подъездов (например, можно было обмануть оцепление, которое стояло в переулках на парадах, и через подъезд выйти на улицу Горького около магазина «Минеральные воды») и прочих центральных загогулин Бахры, Бахрушинки.

А вот если пойти налево, а через метров пятьдесят свернуть направо, то попадаешь в длинный проходной двор, ведущий к Козицкому.

Там на углу, ул. Тверская, д. 12, стр. 8, под. 14, справа (а все дома числятся по Горького — Тверской, хотя и находятся глупо во дворах) повесили мемориальную доску А. И. Солженицыну. Я не люблю его прозу. Он косноязычен.

Вспомнить только его изобретение новых слов! Типа «вбирчевая жажда», или «обгремиться», или «колышистый» и прочий бред. Надо ли говорить, что ни одно из десятков изобретённых им слов не прижилось в русском языке. Потому что они от головы. Большой. А не от души.

И вообще подумал: ведь Александр Исаевич — это дед (потому что с бородой) русского постмодернизма! Его главное произведение «Архипелаг ГУЛАГ» — это постмодернизм! А не реализм, за который его приняли современники!

Надо ли говорить, что ни одно из десятков изобретённых им слов не прижилось в русском языке. Потому что они от головы. Большой. А не от души.

Были репрессии и лагеря? Конечно, были. Но не так, не там и не поэтому. Это предтеча той же фантазмагории Пелевина, например. Или Сорокина! И относиться надо к «Архипелагу» как, не знаю, к «Омону Ра» Пелевина. И всё сразу встанет на свои места.

Тогда из любопытства прочитал Солженицына много. И считаю, что им двигала в жизни и в писательстве неимоверная гордыня. И уязвлённое самолюбие.

В своё время, в 1964 году, он был главный претендент на главную премию страны — Ленинскую. И он был полностью уверен, что получит её. Ан нет. Ту премию дали тихому и прекрасному Василию Михайловичу Пескову. За книгу «Шаги по росе», написанную чудесным русским языком, которого у Солженицына отродясь не было.

И Солжа понесло. Мне думается, что вся его последующая литературная и общественная деятельность и была вызвана обидой на страну, на мир, на всех и вся из-за этой неполученной премии. Конечно, это очень упрощённая трактовка, но...

Кстати, дядя Вася Песков прожил всю жизнь не так уж далеко отсюда. На Верхней Масловке, 11. Минут двадцать максимум. На троллейбусе раньше — по Горького и Ленинградке. Я как-то написал статью к юбилею Василия Михайловича Пескова, где есть немного и об этом. Прочитирую её.

НИ К СЕЛУ НИ К ГОРОДУ — 2

ДЯДЯ ВАСЯ ПЕСКОВ, «ШАГИ ПО ТРАВЕ» И СОЛЖЕНИЦЫН

«14 марта, Василию Михайловичу Пескову исполнилось бы 88 лет. Это было лет пять назад, наверное, март 2013 года. Я шёл по коридорам “Комсомольской правды”. О чём-то думал. Ну о чём внятном может думать потрепанный юноша-переросток за полтинник?

Вдруг передо мной неожиданно возник небольшой человек. Мне он показался полноватым, хотя, может, таков был эффект от распахнутой зимней куртки. У него было обычное печёное крестьянское лицо.

Расходящиеся лучиками от уголков глаз многочисленные бороздки говорили о том, что он любит много и добро смеяться. Этакий старичок из “Репки”, где бабка — за дедку, мышка — за Жучку. Да и сам он был какой-то сказочный.

— Это хорошо, что ты непохожий. Очень хорошо, — сказал волшебный дедушка.

Только в этот момент я вдруг сообразил, что передо мной Василий Михайлович Песков. Я его раньше никогда не видел вот так, на расстоянии руки.

У него было обычное печёное крестьянское лицо. Расходящиеся лучиками от уголков глаз многочисленные бороздки говорили о том, что он любит много и добро смеяться.

Всё детство я провёл в коммуналке в центре Москвы на двадцать два человека. Телевизор был не у всех, он тогда был магией. Окном в мир, машиной телепортации во времени и пространства. А все люди из телика — инопланетянами. Потому что ведь невозможно, чтобы кто-то “оттуда” мог ходить в магазин за кефиром или не гасить свет в уборной.

Одним из таких “пришельцев” был Василий Михайлович Песков из передачи в “Мире животных”. Сейчас это трудно представить, но мы, дети, во дворе играли в “мир животных”. В звероловов и спасателей... Представляли, что спасаем животных от всяких напастей, а во главе нашей команды стоял, естественно, он. Неторопливый, основательный, добрый.

Уже много позже я читал его удивительные рассказы в “Комсомолке”. О чём они были? О живности всякой, о природе и погоде? И да, и нет. Каждый из них больше был похож на исповедь человека, ощущающего счастье жизни. Сейчас пишу и понял, что сокращённо “Мир животных” — “Мир жив”. Вот, собственно, об этом и толковывал Василий Песков нам, неразумным...

И вот он, тот самый, легендарный и прославленный, так за просто со мной беседует.

— Что говорить будут, ругать — наплюй, — негромко вещал Василий Михайлович. — Пустое. Оставайся собой. Я же читаю, что ты пишешь. Всё правильно делаешь.

Я подумал, что я ослышался. Он читал меня? И хвалит? Человек, которого я всерьёз считал чуть ли не единственным журналистом в стране? Реальным журналистом.

Какими были Хемингуэй и Симонов, Стейнбек и Визбор. Кумир детства. Тот, кто брал первое интервью у Гагарина и чьим “Таёжным тупиком” зачитывалась — и это не метафора — вся страна.

Да нет, быть не может. Человек пожилой, просто обознался. Я даже успокоился от этой мысли.

И подумалось вдруг, что такая судьба, как у Василия Михайловича, в наше время невозможна в принципе. Он мог состояться только при советской власти. Когда паренёк из дикой глухомани, без университетского образования, только окончив сельскую школу, благодаря феерическому таланту и Божьему промыслу мог попасть в ведущую газету страны — “Комсомольскую правду”. А тогда работать в “Комсомолке” было несопоставимо круче, чем сейчас приклеиться к “Газ-прому” или даже к Администрации Президента.

— Я вижу, ты мечешься, — продолжал Песков. — Это пройдёт, главное — пиши.

Он говорил минут пятнадцать. Я, свыкнувшийся с мыслью, что меня с кем-то спутали, кивал и потихоньку наблюдал за собеседником. Он был красив, как красива сама природа. Как валун, покрытый мхом, неведь откуда оказавшийся в еловом лесу; как камыш, дрожащий от утреннего холода,

Он говорил минут пятнадцать. Я, свыкнувшийся с мыслью, что меня с кем-то спутали, кивал и потихоньку наблюдал за собеседником.

у небольшой речушки; как сосна, изогнувшаяся к небу, на песчаном косогоре.

Наконец он протянул мне руку, развернулся и пошёл по коридору. Зеленоватая куртка распахнулась и издали отчётливо походила на крылья. А я несколько минут стоял потрясённый...

Есть какая-то высшая справедливость в одном факте биографии Василия Михайловича. В 1964 году он получает главную премию страны — Ленинскую. За свои книги и очерки. В этот же год на эту же премию в разделе литературы выдвигается Солженицын. С “Одним днём Ивана Денисовича”. Наша литтусовка тех лет с упоением ждала присуждения этой премии именно ему и задохнулась от злобы, когда её получил Песков. Обоих писателей уже нет на свете. Господь им судья.

А “Шаги по росе”, “Дом с петухом”, “Речка моего детства”, “Окно в природу” и другие книги Василия Михайловича продолжают врачевать приболевшую Родину, согревают её добром и по кусочкам, как цветастое крестьянское одеяло, нежно и бережно сшивают её заново».

Вот такая была заметка. Я честно думаю, что А. И. Солженицына будут перечитывать только из-под палки, а Василия Михайловича Пескова — для души.

Кстати, в этом же, теперь солженицынском, подъезде жил именно в те же шестидесятые-семидесятые годы мой одноклассник Реваз Мурманович Джахуташвили. Грузин московского разлива. И я у него бывал миллион раз. (Я описал его день рождения, школьное, с испитом рома «Гавана Клуб», в повести «Воскрешение на Патриарших». Она вышла в 2019 году.) И никакого Солженицына я там не видел, хотя его имя уже тогда было на слуху в нашей центральной среде. Странно. Человека с импозантной бородой заметили бы. Но, может, не до этого тогда было.

Вернёмся в Глинищевский переулок. Там, напротив Ар-
тистики, на доме № 6 висит примечательная мемориальная доска. Сам дом — это очередное великолепное творение Матвея Казакова, усадьба, само собой. С конца восемнадцатого века часто меняла владельцев, от именитых фамилий (князь Черкасский, князь Дмитриев-Мамонов и др.) до совершенно странных персонажей. Типа Николая Обера, который остался в истории Москвы благодаря полёту в 1803 году на воздушном шаре. От Крутиц до подмосковной усадьбы Остафьево. Тогда это было грандиозное событие. Потом народ начал мельчать, здание стали пилить на лабазы, лавочки, магазинчики и гостинички.

И здесь, в номерах «Севера», в 1829 году наш Александр Сергеевич Пушкин встречался с великим польским поэтом Адамом Мицкевичем.

Да, а ещё в моём детстве мы знали, что там сидит тётя Валя. Не та, которая «Спокойной ночи, малыши», Валентина Леонтьева, а первая женщина-космонавт. Валентина Владимировна Терешкова. Тогда космонавты были реальными звёздами.

И здесь, в номерах «Севера», в 1829 году наш Александр Сергеевич Пушкин встречался с великим польским поэтом Адамом Мицкевичем.

В миллион раз круче нынешней попсы. Она возглавляла Комитет советских женщин, который и располагался в этом доме. И тогда на улице Немировича-Данченко её можно было запросто встретить.

Вернёмся к Пушкину и Мицкевичу. 21 июля 1956 года на доме № 6 по улице В. И. Немировича-Данченко, где когда-то помещалась гостиница «Север», была установлена мемориальная доска-горельеф. Автор горельефа — польский скульптор М. Милбергер.

Очень красивая доска, огромная. Скорее, даже памятник. Горельеф изображает фигуры поэтов во весь рост. На верхней части доски надпись: «В этом доме в 1829 году встречались А. Пушкин и А. Мицкевич». Внизу доски — пушкинские стихи о Мицкевиче:

*Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.*

Ещё ниже — слова Мицкевича на польском языке: «Знали друг друга недолго, но много. Через несколько дней они — уже друзья».

Но это всё и всем известно. Я откопал гораздо более интересные факты. Знаете, как и где закончил свой земной путь великий польский поэт? Если стоите, сядьте. Адам Бернард Мицкевич умер в 1855 году в Стамбуле, где он организовывал еврейский легион для борьбы с Россией!

Еврейская энциклопедия пишет так, цитирую: «Убеждённый, что Польше предстоит освободить западнославянские народы, а также разрешить еврейский вопрос, Мицкевич предложил во время Крымской войны (1853–1856) организовать еврейский легион для борьбы с Россией, подобно уже существовавшему польскому полку генерала Замойского и казачьему полку под командованием Садык-Паши. С этим планом Мицкевич обратился к евреям через своего помощника А. Леви (врача французской армии, потомка крещёных евреев, заинтересовавшегося в 1824–1831 гг. иудаизмом под влиянием Мицкевича), обещая обеспечить еврейским солдатам возможность соблюдения субботы и обрядов иудаизма. И Мицкевич, и Леви, очевидно, полагали, что формирование еврейского легиона — первый шаг к возрождению еврейского народа.

В 1855 году Мицкевич отправился в Стамбул, чтобы убедить турецкое командование создать еврейский легион. Там он умер, не осуществив свои замыслы».

И далее, цитирую: «Мицкевич разделял идеи польского философа-мистика Анджея Товяньского, бывшего, как и Мицкевич, выразителем польского мессианизма. Согласно Товяньскому, еврейский, польский и французский народы

Адам Бернард Мицкевич умер в 1855 году в Стамбуле, где он организовывал еврейский легион для борьбы с Россией!

составляют триединый Израиль, призванный спасти человечество. Эти взгляды нашли выражение в написанном библейским стилем сочинении Мицкевича “Книги польского народа и польского пилигримства” (1832), в котором проводится параллель между возвращением евреев из пленения вавилонского и окончанием мученичества Польши».

То есть годами Мицкевич столовался в Москве и Питере, был принят и обласкан самыми влиятельными персонами и во власти, и в культуре России, а потом — бац, едет в Стамбул организовывать еврейские легионы для борьбы с Россией?! Или не «бац»?! А он всегда был такой?!

Оставим в стороне эту бредятину о мессианстве поляко-французо-евреев. Это, без сомнения, клиника. Но мне всегда было интересно, откуда у поляков (как нации) такая ненависть к России?! И царской, и советской, и сейчас. Причём отдельные поляки часто бывают очень любящие Россию, нашу культуру. Да что там, множество людей в культуре России были поляками.

Композитор Михаил Глинка, который сочинил и гимн российский, и оперу «Жизнь за царя». Юрий Карлович Олеша, которого я очень люблю и уважаю, до гимназии очень плохо говорил по-русски. Композитор Дмитрий Шостакович, К. Э. Циолковский, Александр Грин (Гриневский). Польские корни были у Достоевского, Паустовского, Твардовского, да и у множества прекрасных людей. И сейчас они есть, я лично знаю человека, польского патриота, который искренне борется против лютой русофобии в современной Польше.

Так откуда всё это?! Из-за трёх разделов страны в восемнадцатом веке?! Так Польшу, которая замучила своими претензиями всю Европу, делила-то не только Россия, но и Пруссия, Австро-Венгрия... К немцам и австрийцам у поляков почему-то нет претензий.

Думаю, что причина кроется в событиях Смутного времени начала семнадцатого века, когда Польша вдруг на мгновение стала властителем огромного евразийского пространства. От Сибири и Дальнего Востока до Балтики и Чёрного моря. Польские войска вошли в Москву. Королевич Владислав был коронован в Москве. Бояре присягнули. Поляки пировали. Папа Римский скакал от радости. Вместо огромной православной Руси, России — католическая Польша. И она становится главным государством и Европы, и тогдашнего мира.

А потом — раз, и нет никакого королевича Владислава. Поляки доедают друг друга в осаждённом Кремле. И нет никакой власти польской короны — сдуло их, как не было. Иначе как чудом такое объяснить невозможно. И сила, и вся мощь Европы были на стороне Польши — и вдруг всё как дым исчезло. То есть было всё, а нет ничего.

И вот эта обида, эта заноза в сердце, как мне думается, и передаётся из поколения в поколение.

Так откуда всё это?!

Из-за трёх разделов

страны в восемнадца-

том веке?! Так Польшу,

которая замучила сво-

ими претензиями всю Ев-

ропу, делила-то не толь-

ко Россия, но и Пруссия,

Австро-Венгрия...

Это, конечно, только мои догадки. Но Мицкевич, собирающий еврейские легионы для борьбы с Россией, — это сильно.

Кстати, кстати. В Москве нет ничего случайного, всё логично. Всё взаимосвязано. Надо присмотреться. И рядом оказывается дом, фантастически связанный с еврейской темой. В соседнем, через двор, сером здании мощной сталинской архитектуры, где уже много лет находится книжный магазин «Москва», в семидесятых годах жил Константин Беляев. Он был певец, исполнитель, бард, как сейчас бы сказали. И его озорные и хулиганские куплеты знала практически вся Москва, все люди моего поколения по всему СССР. Именно он сочинил частушки с одним и тем же припевом: «Евреи, евреи, кругом одни евреи!».

Иногда это были просто шутки, иногда — политическая сатира, а иногда — и чистое хулиганство. Прочитую самые мирные куплеты. А так они набиты едкой иронией и стёбом, как сейчас говорят. Там участвует большинство и политических, и культурных деятелей той поры.

*Пастернак и сельдерей, что ни овощ, то еврей!
Евреи, евреи, кругом одни евреи!*

Или:

*Говорят, что и в хоккее появились евреи.
Погляди на вратарей, что ни маска, то еврей!
Евреи, евреи, кругом одни евреи!*

Или:

*Спутник мчится по орбите с апогея в перигей,
В нём кронштейн висит прибитый — первый в космосе еврей!
Евреи, евреи, кругом одни евреи.*

Между прочим, ближайшим другом и организатором его концертов, продюсером, как сейчас сказали бы, был Давид (Дося) Шендеревич. Так что обвинения в антисемитизме здесь не прокатывают. Просто Костя был ох как остёр на язык. Я с ним не пересекался (хотя могли, судя по его биографии), но приятели, которые его знали, говорили, что он хороший, добрый мужик.

А так Константин Николаевич Беляев был русским парнем, родившимся под Одессой. Отец погиб на фронте. В конце пятидесятых поступил в институт военных переводчиков, который потом разогнал и сократил Хрущёв. Он поступил в мой родной Иняз на Метростроевской и окончил его. Дальше работал переводчиком в Шереметьево, преподавал в Ленинском педагогическом институте, МГИМО, Инязе, МИСИСе, Академии внешней торговли, учительствовал в школах.

Он был певец, исполнитель, бард, как сейчас бы сказали. И его озорные и хулиганские куплеты знала практически вся Москва, все люди моего поколения по всему СССР.

В шикарном доме № 6 по улице Горького (Тверской) он снимал комнату у известной цыганской певицы Ляли Чёрной, вдовы знаменитого советского артиста МХАТа, режиссёра, народного артиста СССР, лауреата трёх Сталинских премий Николая Петровича Хмелёва.

Кстати, я уже говорил, что раньше театр «Ромэн» был на месте нынешнего Совета Федерации. Так что Ляля Чёрная (Надежда Сергеевна Киселёва, бывшая жена знаменитого актёра и режиссёра Михаила Михайловича Яншина) могла ходить на работу пешком. Минут пять от силы до «Ромэна».

В 1983 году пошла андроповская волна арестов среди музыкантов и исполнителей. Их обвиняли в нетрудовых доходах, незаконном предпринимательстве за частные концерты и разных других разностях. По нынешним временам полная дичь. Но тогда были такие законы.

Тогда сели певец Александр Новиков, Алексей Романов из группы «Воскресенье», Жанна Агузарова и другие. И Костя Беляев отсидел четыре года в колонии усиленного режима под Вологодой по 162-й статье УК РСФСР: «за незаконный промысел».

Потом он вернулся, продолжил сочинять и петь уже легально. Успех был, но время его чудесных куплетов уже прошло. Они, безусловно, остались в семидесятых годах. Умер Константин Николаевич Беляев в 2009 году.

Дальше по курсу в сторону Красной площади — памятник князю Юрию Долгорукому.

Я застал уже великолепный памятник Юрию Долгорукому. Его предшественников: памятника генералу Скобелеву и послереволюционного памятника Свободе — я, ясное дело, не видел.

Что сейчас происходит с красивейшей конной статуей князю Юрию, основателю Москвы, — просто ужас.

Его просто удушили удавкой непонятого сооружения вокруг постамента. Какой-то очередной круговой кабак зелёно-поносного цвета. В виде галереи с арматурой. К памятнику теперь не подойти. Причём я пытался заглянуть в это заведение, входа не нашёл. Зачем оно в таком месте, практически святом для москвичей?!

И главное — напротив мэрии, которую старые москвичи по привычке называют Моссоветом. Неужели они не видят вопиющую пошлость этих стеклянных катакомб, опоясывающих грандиозный памятник?!

А ведь я прекрасно помню, как в начале семидесятых здесь люди слушали музыку вечерами и танцевали. Да, танцевали. Тогда во всём мире хитом номер один была весёлая песенка, которая называлась «Летка-енька». У нас её перепевали многие исполнители. А изначально это были финские авторы.

«Раз, два, туфли надень-ка, / Как тебе не стыдно спать? / Самая милая, смешная енька / Нас приглашает танцевать», — как пели Эдуард Хиль и, по-моему, Лариса Мондрус.

А ведь я прекрасно помню, как в начале семидесятых здесь люди слушали музыку вечерами и танцевали. Да, танцевали. Тогда во всём мире хитом номер один была весёлая песенка, которая называлась «Летка-енька».

Люди становились друг за другом, держась за плечи, двигались вперёд и делали разные движения ногами и руками.

И мои родители ходили танцевать сюда. Иногда оставляли на лавочке в начале сквера, сзади памятника. А сами — скакать!

Стеклоанное чудище кабака, охватившее памятник Долгорукому, влезло и в сквер сзади него. И закрыло удивительный небольшой фонтанчик.

*Как-то ночью по пустой дороге
Грустный со свидания я шёл опять.
Верьте — не верьте, почему-то ноги
Сами стали этот танец танцевать.*

*Раз, два, туфли надень-ка,
Как тебе не стыдно спать?
Славная, милая смешная енька
Нас приглашает танцевать.*

*Снова к милой привела дорожка,
Снова оказался у её дверей.
Стукнул в окошко, подождал немножко.
Слушай, дорогая, выходи скорей.*

*Раз, два, туфли надень-ка,
Как тебе не стыдно спать?
Славная, милая, смешная енька
Нас приглашает танцевать.*

*Вместе с милой мы пошли от дома
По знакомой улице в который раз.
В окна стучали всем своим знакомым,
Вовсе несмотря на то, что поздний час.*

*Раз, два, туфли надень-ка,
Как тебе не стыдно спать?
Славная, милая, смешная енька
Нас приглашает танцевать.*

*Скоро улица нам тесной стала,
Целый город пробудили ото сна.
И до рассвета в небесах плясала
Вместе с нами удивлённая луна.*

*Раз, два, туфли надень-ка,
Как тебе не стыдно спать?
Славная, милая, смешная енька
Нас приглашает танцевать.*

Мелодия этого танца написана финским композитором Рауно Лехтиненом в начале шестидесятых годов. Немецкий композитор Хорст Венде (под псевдонимом Роберто Дельгадо) в 1965 году выпускает свою аранжировку мелодии. Мир вздрогнул.

В СССР на мелодию танца Михаил Пляцковский написал слова, и появилась песня. Страна впервые увидела танец на новогоднем «Голубом огоньке» в 1966 году.

И весь Советский Союз вслед за планетой заскакал под эту мелодию. Танец простейший: мальчики и девочки всех возрастов становились «паровозиком», под темп выкидывали по два раза ноги вправо и влево и делали три «скока» вперёд.